
18+
Вера Иске
ВЫХОД
ИЗ СИМУЛЯЦИИ
Ключ памяти

Вера Иске

Выход из симуляции. Ключ памяти

«Издательские решения»

Иске В.

Выход из симуляции. Ключ памяти / В. Иске — «Издательские решения»,

Четыре повести связывают тайны Сибири в пугающий узел. Под древним Томском засыпает дева антов, чтобы проснуться в лаборатории Академгородка. В тайге 1966 года геологи находят сбитый диск пришельцев и сталкиваются с чередой странных событий. В наши дни брошенная женщина объявляет войну невидимому монстру, питающемуся её тоской. А молодой программист совершает квантовый взлом, чтобы через фото вырвать любимую из лап Архитекторов реальности.

© Иске В.
© Издательские решения

Содержание

БАГ ВСЕЛЕНСКОГО МАСШТАБА 6
Глава 1: Деревенская идиллия 6
Глава 2. Столкновение с Системой 11
Глава 3: Стирание реальности 14
Глава 4: Охота на Архитекторов 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Выход из симуляции
Ключ памяти

Вера Иске

© Вера Иске, 2026

ISBN 978-5-0071-5091-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БАГ ВСЕЛЕНСКОГО МАСШТАБА

Глава 1: Деревенская идиллия

Сцена 1: Встреча у колодца

Десятый класс закончился, и Максим наконец выбрался из привычной городской духоты. Позади остались школьные коридоры, раскалённые улицы и запах мела, который, казалось, въелся в стены навсегда.

Правда, летние планы он составлял не сам.

— Поедешь к бабушке, в Верницы, — сообщил отец. — Тебе это только на пользу. Воздух свежий, работы полно. Может, хоть немного от компьютера отойдёшь.

По интонации было понятно: решение окончательное. Максим промолчал. В свои семнадцать он уже успел понять простую вещь — если отец говорил таким тоном, спорить с ним практически бессмысленно.

Верницы оказались небольшим посёлком, где жизнь шла совсем иначе, чем в городе. Здесь редко куда-то спешили. За заборами виднелись старые дома, сады и огороды, а по улицам проезжали в основном местные машины и сельская техника. Но непривычнее всего для Максима было отношение людей друг к другу.

В посёлке, похоже, не существовало понятия «это не моё дело». Если у соседа посреди работы вставал трактор, он редко оставался с проблемой один. Кто-нибудь замечал случившееся и звал остальных. Вскоре возле машины уже собирались несколько человек: один искал инструмент, второй разбирался с мотором, третий стоял рядом и подсказывал. То же самое происходило с домашними делами. Пожилая женщина могла не успеть убрать сено перед дождём — и ей почти наверняка помогли бы. Причём не только взрослые. Местные подростки тоже могли бросить свои дела и прийти на помощь. Поначалу Максим наблюдал за всем этим с лёгким недоверием. Слишком уж спокойно здесь жили люди.

Никто не нервничал по пустякам, не пытался постоянно куда-то успеть. Казалось, в Верницах каждый знал, что произойдёт сегодня, завтра и даже через неделю. Для Максима, привыкшего к городскому шуму и компьютерам, такая жизнь сначала казалась скучной. Потом — странно уютной. А спустя несколько дней он уже перестал замечать тишину. Тогда ему и в голову не приходило, насколько важным однажды станет это ощущение полного спокойствия.

Максима больше всего удивляло другое. Все здесь жили настолько спокойно, что первое время ему казалось, будто он попал в место, где вообще не существует серьёзных проблем. Первые две недели он честно отрабатывал то, что про себя называл деревенским наказанием. Утром таскал воду и тяжёлые вёдра, потом возился с покосившимся забором возле курятника. После обеда бабушка находила ему новую работу: то прополоть грядки, то собрать клубнику, то помочь по хозяйству.

Через несколько дней руки Максима покрылись мозолями. Кожа болела, ладони непривычно саднило, а нос он умудрился так сильно обгореть на солнце, что бабушка несколько дней посмеивалась над его красной физиономией. Компьютера под рукой не было. И, к собственному удивлению, Максим постепенно начал привыкать.

Всё изменилось в один из знойных июльских вторников, когда бабушка попросила его дойти до местной почты за посылкой.

У старого деревянного колодца-журавля в центре посёлка стояла девушка.

Максим затормозил так резко, что подошвы кроссовок со свистом пропахали пыльную гравийную дорогу. В детстве, когда его привозили сюда на лето, он смутно помнил местную девчонку Катьку — вечно чумазую, худую, со сбитыми в кровь коленками. Но сейчас перед ним стояло настоящее изваяние. Катя выросла. Она превратилась в ослепительную высокую блондинку со стройной, точёной фигурой и невероятно длинными ногами.

Она как раз опустила длинный шест журавля, зачерпнула ледяную воду и аккуратно подцепила тяжёлые оцинкованные вёдра на резное деревянное коромысло. На ней были короткие джинсовые шорты и лёгкая клетчатая рубашка, небрежно подвязанная узлом на плоском, иде-

ально загорелом животе. С её безупречными пропорциями и точёным модельным лицом она смотрелась у этого колодца абсолютно инородно. Словно из другой жизни, Катя стояла посреди дорожной пыли посёлка Верницы.

Она распрямилась, поправляя коромысло на плечах, и повернула голову. Увидев Максима, девушка улыбнулась.

Он смотрел на неё и не мог придумать, что сказать первым. Любая фраза казалась какой-то неуместной и глупой.

— Привет, городской, — наконец сказала она. — Не узнал?

— Привет, — только и смог выдохнуть Максим.

Под мышкой он всё ещё держал извещение. Здесь, среди деревенской тишины, оно выглядело настолько чужеродно, что Максим вдруг сам почувствовал себя таким же чужим.

— Узнал. Просто не сразу, — признался он. — Ты очень изменилась.

Сцена 2. Ночь под яблоней

Лето прошло почти незаметно.

Они старались не попадаться никому на глаза и встречались по вечерам, когда Верницы постепенно затихали. В домах гас свет, над тёмными крышами появлялись первые звёзды, и тогда Максим с Катей могли наконец уйти подальше от любопытных взглядов.

Часто они добирались до старого заброшенного сада за околицей. Там давно никто не ухаживал за деревьями, и трава к ночи становилась влажной от росы. От тяжёлых ветвей яблонь уже тянуло запахом спелых антоновок.

Однажды они снова пришли туда поздно вечером.

Катя устроилась рядом и положила голову Максиму на плечо. Некоторое время оба молчали. Над ними, между тёмными ветвями, мерцали звёзды.

— Смотри, — тихо сказала Катя.

Она подняла руку и показала куда-то в небо.

— Вон та группа звёзд. Похожа на ковш.

Максим посмотрел в указанную сторону. Он пытался разглядеть созвездие, но видел лишь россыпь светлых точек.

Зато он очень хорошо ощущал её голову на своём плече.

И почему-то боялся даже немного пошевелиться, чтобы не разрушить этот момент.

— Макс, как думаешь, что там, в космосе? — тихо спросила она, протягивая руку к небу.

— Газ, пыль, звёзды. Физика, в общем, — усмехнулся Максим и провёл рукой по её золотистым волосам.

— А мне кажется, там что-то ещё. — Катя повернулась к нему. — Вот смотри. Там, далеко-далеко, Боженька сидит. На золотом троне. И смотрит на нас.

Она помолчала.

— Видел масонский глаз в пирамиде на долларе? Мне почему-то кажется, Он примерно так и смотрит. Только на всю Землю.

Максим хмыкнул.

— А ангелов Он для чего поставил? — не дожидаясь ответа, продолжила Катя. — Ну, чтобы за всем следили. Один за дождём, другой за кометами. Чтобы какая-нибудь не прилетела сюда и не устроила нам конец света. Наверное, у каждого свой участок.

Максим покачал головой и посмотрел на звёзды.

— Нет, Кать. В такого Бога я не верю.

— Почему?

— Слишком сказочно всё это. Я скорее верю в Высший Разум. Только в виде гигантского суперкомпьютера. Наш мир — это просто глобальная, сверхсложная игра. А мы в ней — игроки, обычные персонажи со своим набором характеристик. И каждый из нас должен выполнить свою миссию, заложенную создателем в код.

Не успел он договорить последнюю фразу, как небо над ними резко, словно по щелчку выключателя, раскололось оглушительным раскатом грома. Секунду назад на небе не было ни облачка, но вдруг на них хлынул стеной ледяной, тропический ливень.

— Бежим! — звонко рассмеялась Катя.

Они сорвались с места и, насквозь мокрые, тяжело дыша и держась за руки, помчались сквозь темноту к её дому, спасаясь от внезапной стихии.

Сцена 3: Семейный бунт

Август безжалостно подошёл к концу. За Максимом приехал отцовский универсал. Разлука оказалась невыносимой. Весь одиннадцатый класс парень существовал в городе как зомби: механически ходил на уроки, но мыслями оставался в Верницах. Они созванивались каждую свободную минуту.

В итоге под вой октябрьского ветра за окном городской многоэтажки Максим объявил родителям о своём твёрдом решении: после школы он уезжает в посёлок, они с Катей женятся и идут на заочное.

В квартире тут же поднялся крик. Мама побледнела, руки у неё дрожали, и она никак не могла нормально отсчитать капли лекарства. Перед ней будто стоял уже не тот мягкий и послушный сын, которого она знала всю жизнь.

— Максим, ты с ума сошёл?! Какая ещё деревня?! — кричала она, всё больше срываясь на слёзы. — Ты получишь профессию айтишника! Перед тобой весь мир открыт! В городе карьеру сделаешь, деньги будешь зарабатывать! Да за тобой девчонки сами бегать будут, выбирай любую! А ты хочешь похоронить себя в этой глуши из-за какой-то деревенской девки?!

Максим стоял посреди гостиной, скрестив руки на груди. Максим дождался, пока мать закончит говорить, и только после этого ответил:

— Я всё равно уеду. Катя будет со мной. Мы решили пожениться.

Отец резко остановился. До этого он нервно ходил по комнате, но теперь несколько секунд просто смотрел на сына. Затем с силой ударил ладонью по столу. От неожиданности задребезжала люстра.

— Ты хоть понимаешь, что натворил? — выкрикнул он. — До чего мать довёл!

Женщина сидела неподалёку, вытирая слёзы. Отец указал на неё рукой.

— Ей плохо, а ты всё о своём! Таблетки уже не помогают. Скорую надо вызвать!

Он снова посмотрел на Максима.

— Ты мать извести решил? Тебе восемнадцати нет, а ты уже собрался семью заводить и бросать всё здесь!

Максим выдержал его взгляд. Спорить он не стал. Всё, что хотел сказать, уже было сказано раньше. И родители это понимали. В следующие дни разговоры продолжались. Иногда спокойно, иногда снова заканчивались криками. Но постепенно стало ясно: переубедить Максима не получится. В конце концов отец поставил одно условие — университет бросать нельзя. Максим согласился. Диплом он получит. Если понадобится, будет учиться заочно. На этом спор закончился.

Сцена 4. Идеальный код жизни

Следующее лето оказалось удивительно простым. Они расписались в районном ЗАГСе, без большого торжества. После регистрации собрались за семейным столом, а вскоре Максим и Катя уехали обратно в Верницы. Жить решили в небольшом доме на окраине посёлка. Дом был деревянным, не новым, но добротным. Рядом находился сад, за огородом начинались поля, а по вечерам вокруг становилось так тихо, что слышно было даже, как ветер шевелит листья. Их вполне устраивала такая жизнь. Катя занималась учёбой, Максим продолжал разбираться со своими делами и постепенно привыкал к новой роли мужа. Всё складывалось именно так, как они хотели. Слишком гладко. Настолько гладко, что спустя время Максим иногда ловил себя на мысли: будто кто-то заранее проверил их жизнь на ошибки и исправил каждую из них.

Началась жизнь, которую Максим без преувеличения мог назвать абсолютной идиллией. Вопреки мрачным прогнозам родителей, они не голодали. Парень стал первоклассным «железячником». С закрытыми глазами, чисто на ощупь он мог разобрать и собрать любой залитый чаем ноутбук, оживить сгоревший системный блок или перепаять сложнейшую материнскую плату.

Он быстро настроил в доме стабильный скоростной интернет, взял несколько крупных заказов на удалённую разработку софта и начал приносить в дом очень неплохие по деревенским меркам деньги. Отзывчивые соседи, которые всегда готовы помочь молодой семье делом или советом, быстро узнали про рукастого городского парня. Максим начал регулярно выезжать к клиентам из Верницы и соседних сёл. Он чинил старые компьютеры, настраивал роутеры и реанимировал безнадёжные агрегаты. В технике он разбирался божественно. Среди проблем деревенских, для него не было неразрешимых задач.

Дома Максима всегда ждал идеальный, надёжный тыл. Катя оказалась умной, тихой и преданной женой. За первый год совместной жизни Катя почти полностью погрузилась в домашние заботы. Училась она заочно, поэтому большую часть времени проводила дома, занимаясь по учебникам библиотечного дела. К экзаменам готовилась вечерами, а днем находила тысячу мелочей, которыми могла заняться. Максиму казалось, что ей доставляет удовольствие заботиться о доме и о нем самом. На кухне часто стоял запах пирогов и свежего хлеба. Его одежда всегда была чистой и выглаженной, вещи лежали на своих местах. Когда он возвращался с работы, Катя встречала его у двери и улыбалась так тепло, что все накопившиеся за день мысли куда-то исчезали. За год они ни разу по-настоящему не поссорились. Не было привычных семейных сцен, взаимных претензий, хлопающих дверей. Даже раздражение, которое неизбежно появляется у людей, проводящих много времени вместе, будто обходило их стороной. Поначалу Максим считал, что ему просто повезло. Потом стал замечать странность. Слишком уж ровно все складывалось. День за днем, неделя за неделей никаких неожиданностей, никаких сбоев. Иногда Максиму казалось, что их с Катей жизнь слишком уж хорошо отлажена. Всё происходило спокойно и предсказуемо: день за днём, без неприятных сюрпризов и серьёзных конфликтов. У каждой вещи было своё место, у каждого дня — привычный распорядок. Поначалу такая стабильность его только радовала. Наверное, именно так и должна выглядеть нормальная семейная жизнь. Но постепенно в этом появилось что-то тревожное.

Максим не мог толком объяснить причину. Просто ему всё чаще приходила в голову одна мысль: идеальных систем не бывает. Рано или поздно ломается даже самый надёжный механизм. А здесь ничего не ломалось. Ни разу. Словно возможность ошибки в их жизни вообще не была заложена.

Глава 2. Столкновение с Системой
Сцена 1. Дорога в город

Первым нарушением привычного порядка стала Катины экзамены. Началась летняя сессия, и теперь ей пришлось ехать в город. До этого заочная учёба почти никак не отражалась на их быте. Катя спокойно занималась дома: читала нужные книги, писала конспекты, выполняла задания и готовилась к очередному экзамену. Теперь же требовалось личное присутствие в институте.

Утром они собрались и отправились в дорогу. Перед выездом Максим по привычке проверил машину. Он всегда делал это перед поездками, особенно если предстояло проехать несколько десятков километров.

«Лада» была старой, но Максим знал её отлично. Отец подарил автомобиль ему на восемнадцатилетие, и с тех пор машина не раз побывала у него в гараже. Максим самостоятельно менял детали, ремонтировал то, что выходило из строя, и постепенно привёл её в приличное состояние. Поэтому возраст автомобиля его особо не беспокоил. Он ещё раз заглянул под капот, убедился, что всё в порядке, захлопнул крышку и сел за руль. Через несколько минут они уже выехали из посёлка.

Катя сидела на пассажирском сиденье, положив рядом сумку с учебниками. Внутри автомобиля было душно. Пластик и кожзаменитель успели нагреться от утреннего солнца, а дешёвый освежитель воздуха перебивал запах бензина лишь наполовину. Посёлок быстро остался позади. До города было около шестидесяти километров. Первую часть пути они ехали почти молча, иногда перебрасываясь короткими фразами. Потом дорога сузилась и пошла через лес. Катя сидела перелистывала книгу библиотечной классификации.

— Макс, я так волнуюсь, — тихо призналась она, не отрывая взгляда от страниц. — Мне кажется, я перепутала все шифры хранения книжных фондов. Если я провалю экзамен?..

— Ты у меня самая умная на свете. Приедем, и когда сдашь всё на отлично, сходим с тобой в кино. Не помню, когда мы последний раз были в нормальном кинотеатре.

Катя повернулась к мужчине и привычно улыбнулась своей ангельской улыбкой. В этот момент Максим осознал важную вещь. За целый год он ни разу не видел девушку хмурой или раздражённой. Даже сейчас её волнение выглядело слишком правильно. Словно она играет роль «идеальной жены». Но сомневаться в подлинности её чувств он не стал.

С обеих сторон подступали деревья. Среди них мелькали берёзы, сосны, редкие просветы между стволами. Шоссе было всего двухполосным и постоянно меняло направление, поэтому Максим не раз отпускал газ перед очередным слепым поворотом. Всё выглядело совершенно привычно. Катя смотрела в окно. Максим следил за дорогой. Ни один из них не знал, что до города они так и не доедут.

Сцена 2: 0.0001 секунды до…

Максим начал сбрасывать скорость, заходя в поворот. В этот момент из-за поворота, грубо нарушая все правила и полностью перекрыв их полосу, вылетела многотонная фура. Огромный, грязный капот американского тягача буквально вырос перед лобовым стеклом «Лады», словно появившись из воздуха.

Время замедлилось вплоть до наносекунд. Максим успел заметить странную деталь: лобовое стекло фуры было абсолютно чёрным. За этой чернотой не было видно ни лица водителя, ни салона надвигающейся фуры. Раздался оглушительный визг тормозов. Максим за мгновение выкрутил руль вправо в попытке свернуть на обочину. Удар он почувствовал раньше, чем успел что-либо осознать. В последний момент Максим лишь успел рвануться вперёд и закрыть Катю своим телом. Потом раздался резкий скрежет — металл не выдержал

столкновения. Почти сразу вслед за ним послышался звон разлетающегося стекла. А затем звуки исчезли.

Сцена 3: Странная реанимация

Сознание вернулось гораздо позже.

Сначала Максим понял, что снова слышит. Он лежал неподвижно и несколько секунд не пытался открыть глаза. Вокруг стоял непрерывный, однообразный гул. Ни голосов медиков, ни знакомых сигналов аппаратов, которыми обычно сопровождается больничная реанимация, он не различал.

Наконец веки поддались. В глаза ударило такое яркое освещение, что Максим тут же их закрыл.

Первое, что он почувствовал спиной, — холодную твёрдость металла. Не больничную кровать, не матрас, а жёсткую металлическую поверхность.

Когда зрение немного восстановилось, Максим снова посмотрел вокруг.

Несколько устройств стояли совсем рядом. Серые матовые корпуса, вентиляционные отверстия, небольшие индикаторы, выстроенные в несколько рядов. От них исходил тот самый равномерный гул.

Максиму доводилось слышать подобное раньше — так работают серверные стойки в больших дата-центрах.

На первый взгляд аппаратура вполне могла сойти за сложное медицинское оборудование. Но Максим слишком хорошо разбирался в электронике, чтобы принять увиденное без вопросов. Он мог собрать материнскую плату практически вслепую, поэтому странности заметил сразу.

Максим дёрнулся, пытаясь подняться, но тело осталось неподвижным. Он напрягся сильнее. Ничего. Только тогда стало понятно, почему он не может пошевелиться. Запястья и лодыжки удерживали широкие металлические фиксаторы. Они плотно прижимали руки и ноги к поверхности, не оставляя возможности даже немного изменить положение.

Максим попытался повернуть голову и увидел ещё кое-что. К его рукам, ногам и обнажённому животу были прикреплены тяжёлые датчики. Холодный металл неприятно касался кожи. От каждого из них уходили кабели, соединявшие тело с аппаратами вокруг. И вот эти соединения беспокоили его больше всего. Никаких медицинских трубок. Вместо них — тонкие шлейфы в экранирующей оболочке. Максим слишком хорошо знал подобные кабели: они выглядели так, будто предназначались для передачи информации. Он медленно перевёл взгляд на ближайший аппарат.

На корпусе мерцали небольшие светодиоды. Некоторые из них напоминали индикаторы, которые можно встретить внутри сетевого оборудования. Вентиляторы негромко вращались, поддерживая постоянный гул.

Максим посмотрел на экран. Пульса он там не увидел. Ни давления, ни температуры, ни других показателей, которые обычно выводит медицинская аппаратура. По дисплею вместо этого бежали строки данных. Где-то появлялись команды, ниже — параметры, затем снова какие-то короткие последовательности символов. Максим не понимал этот язык. Но он понимал, что перед ним. Это была не медицинская информация. По крайней мере, не в привычном смысле.

Чем внимательнее он смотрел, тем сильнее становилось ощущение, что вокруг него собрано не реанимационное оборудование, а целая вычислительная система. Слишком много электроники, слишком много кабелей и слишком мало вещей, которые имели бы отношение к обычной больнице. Он снова дёрнул рукой. Металлический обруч даже не сдвинулся. Теперь сомнений не оставалось: его здесь не лечили. Его подключили к системе.

В поле зрения попали два силуэта. На них не было белых медицинских халатов. Это были даже не врачи. Они были одеты в глухие, глушащие любой звук костюмы из странного матового

материала, напоминающего плотную синтетическую плащёвку угольно-чёрного цвета. Лица существ Максим не видел. Их полностью закрывали гладкие зеркальные маски, и в каждой из них отражалось то, что происходило вокруг. В одной из таких отражающих поверхностей он вдруг узнал себя.

Собственное тело казалось ему чужим — неподвижное, бледное, лежащее перед ним на металлической поверхности. Существа продолжали работать молча. Ни одного слова, ни короткого приказа, ни даже попытки переглянуться. Казалось, им вообще не требовалось разговаривать. Один из них наклонился к Максиму и без лишних движений зафиксировал на его голове массивный шлем. Внутри шлема находились многочисленные металлические контакты, которые плотно соприкасались с кожей. Пока первый занимался этим, второй проверял установленные на теле датчики. Пальцы быстро прошлись по креплениям, задержались на нескольких соединениях, после чего он продолжил подготовку.

Максим попытался заговорить. Ему хотелось спросить о Кате. Хотелось понять, где он находится, и кто эти существа. Но тело почти не слушалось. Вместо слов из пересохшего горла вырвался только тихий хрип. Сверху донёсся тихий механический гул. Максим попытался поднять голову, но массивный шлем почти не оставлял свободы движения. Всё же ему удалось увидеть, что происходит над ним.

Из потолка выдвигалась конструкция. Она двигалась медленно, почти бесшумно, если не считать лёгкого жужжания приводов. На конце находилось что-то металлическое. Максим сначала не понял, что именно видит. Потом узнал очертания. Сверло. По коже пробежали мурашки. Механизм остановился прямо над ним. На короткий миг помещение снова стихло, а затем раздался высокий неприятный звук. Насадка пришла в движение. Сначала медленно, потом всё быстрее, пока вращение не превратилось в едва различимое металлическое кольцо. Максим снова попытался вырваться. Фиксаторы не поддались.

Тем временем механизм продолжал своё движение. Манипулятор медленно приближался, и вращающийся наконечник уже находился совсем близко. Максим видел только его и край металлического шлема. Он понял, что сейчас произойдёт. Попробовал отвернуть голову — тщетно. Позвать на помощь тоже не получилось. Из горла вырвался сдавленный звук..

А потом всё исчезло за вспышкой боли. Она возникла в одной точке, но почти сразу разлилась по всей голове. Максим зажмурился и выгнулся, насколько позволяли крепления. Ему показалось, что внутри черепа что-то чужое прорвалось сквозь защиту и теперь добирается до мозга. Он уже не слышал ничего, кроме собственного хриплого дыхания. Свет перед глазами расплылся и превратился в сплошное белое пятно. Затем белизна начала темнеть по краям. Гул аппаратуры постепенно отдалился.

Максим ещё пытался думать. Хотел вспомнить Катю. Хотел удержать хотя бы её имя, но оно ускользало вместе с остальными мыслями. Осталось ощущение холода под спиной. Потом пропало и оно. Сознание погасло, словно кто-то одним движением выключил свет.

Глава 3: Стирание реальности

Сцена 1: Пробуждение в чужом «вчера»

Максим распахнул глаза и резко сел на кровати, тяжело и часто дыша. Сверло. Шлем. Существа в матовом чёрном. Он инстинктивно схватился руками за голову, ожидая нащупать рану или шрамы, но кожа на темени была абсолютно гладкой. Боли не было. Вокруг не разносился низкий гул и не бежали строчки кода.

Он находился в своей старой комнате в родительской квартире. Солнечный свет мирно падал на письменный стол, на котором аккуратно стоял его стационарный компьютер. За стеной гремела посудой мама. Ничего необычного в доме не происходило.

Именно это напугало Максима сильнее всего.

Он резко сел на кровати, несколько секунд пытался отдышаться, а потом почти бегом выскочил в коридор.

— Мама! Папа!

Голос сорвался на хрип.

Из кухни донёсся удивлённый голос матери:

— Что случилось?

Максим влетел на кухню.

Отец сидел за столом и что-то читал на планшете. Мать стояла возле плиты, помешивая суп. Оба совершенно спокойно занимались своими делами.

Максим замер.

Будто совсем недавно здесь царил настоящий хаос. Мать принимала валидол, отец нервно говорил о скорой помощи. Все были напуганы происходящим.

— Где Катя? — выдохнул Максим. — Как она?

Родители переглянулись.

Мать первой повернулась к нему.

— Какая Катя?

Максим даже не сразу понял вопрос.

— Как какая? Катя! Моя жена!

Отец отложил планшет.

— Макс, о чём ты говоришь?

— Мы ехали из Верниц. На дорогу вылетела фура. Произошла авария. Я успел закрыть её собой… Подушки сработали… Где она сейчас? В какой больнице?

Слова начали сбиваться. Максим сам слышал, насколько отчаянно звучит его голос.

Мать смотрела на него всё более обеспокоенно.

— Сынок, ты никуда сегодня не ездил.

— Что?

— Ты дома ночевал.

Максим покачал головой.

— Нет. Мы были в машине. Я помню аварию. Я помню Катю.

Отец несколько секунд молча смотрел на сына, после чего неожиданно рассмеялся. Мать тоже облегчённо улыбнулась.

« — Ну ты нас напугал, Макс», — сказал отец. — Приснилось тебе что-то.

— Очень уж правдоподобный сон, — добавила мать.

Отец усмехнулся:

— А может, это знак? Вырос уже. Пора действительно о женитьбе задуматься. Только сначала найди девушку.

— Лучше в университете, — с улыбкой сказала мать.

Они снова занялись своими делами. Максим остался стоять посреди кухни. Он смотрел на родителей и не понимал что происходит. Настолько спокойно можно говорить только о человеке, которого никогда не существовало. Катю помнит только он. Помнит её голос. Помнит дом. Помнит дорогу. И аварию он тоже помнит слишком хорошо, чтобы назвать всё это обычным сном.

Сцена 2: Подмена данных

Максим стоял неподвижно. Это просто не мог быть сон. Он помнил все до мелочей, каждую деталь: кожу ее рук, запах выпечки которую она готовила, вкус дождя в заброшенном саду. Макс почти бегом вернулся в комнату. Схватив со стола смартфон, он открыл контакты и нашел букву «К». Карина, Кирилл, Константин… Кати не было. Он перешел в мессенджеры, несколько раз обновил страницу, словно информация могла измениться сама собой.

Телефон не хранил ничего, что связывало бы его с Катей. Переписка исчезла. Фотографий не осталось. В истории звонков — ни одного её номера. Он даже проверил файлы, которые обычно годами не трогал. Результат оказался тем же. Тогда он зашёл в университетский личный кабинет.

Страница загрузилась почти сразу. Максим пробежал глазами по данным и остановился на одном пункте. Форма обучения — очная. Он нахмурился. Заочная. Катя училась заочно. В этом он был уверен. Она сама рассказывала ему о сессии, показывала учебники, готовилась к экзаменам. Они ведь только сегодня собирались ехать в город именно из-за этой сессии. Максим вернулся к началу страницы и перечитал всё заново. Ничего. Он больше не стал сидеть дома.

Во дворе его ждала «Лада». Максим подошёл к машине почти бегом и остановился возле водительской двери. После аварии он ожидал увидеть хотя бы следы удара, но кузов был целым. Машина выглядела так, будто последние часы прошли для неё совершенно обычно. Он сел внутрь. Двигатель завёлся с первого раза. Через несколько секунд Максим уже выезжал со двора. Он ехал обратно в Верницы и почти не замечал дороги. В голове крутились одни и те же вопросы, но ни один не находил ответа. Оставалось только добраться до дома. До того места, где всё ещё должна была быть Катя.

Возле соснового бора Максим сбросил скорость. Именно здесь дорога уходила в сторону — он хорошо помнил этот поворот. Поэтому невольно начал всматриваться в обочину.

Если авария действительно произошла, здесь должно было что-нибудь остаться. Но лес молчал. Асфальт выглядел нетронутым. Ни чёрных полос от резины, ни осколков, ни кусков пластика. Даже на обочине не нашлось ничего подозрительного. Словно машины здесь никогда не сталкивались.

В Верницах было тихо. Максим проехал по знакомой улице и заметил соседей. Они, как обычно, здоровались, кивали ему вслед, улыбались. Раньше он считал это обычной деревенской приветливостью. Теперь ему стало не по себе.

В этих улыбках появилось что-то механическое. Неестественно спокойное. Будто люди видели перед собой не Максима, а просто знакомую фигуру, которой полагалось ответить на приветствие. Он свернул к окраине. Ещё немного — и впереди должен был показаться их дом. Максим невольно прибавил скорость, а затем резко затормозил. Пустота.

Он долго смотрел туда, где должен был стоять их деревянный дом. Его не было. Ни дома. Ни забора. Ни следов фундамента. Просто свободное место.

Там простирался глухой, заросший бурьяном и одуванчиками пустырь. Натоптанная тропинка, забор, крыльцо — всё исчезло, словно этого строения никогда не существовало в природе. Словно на этом месте никогда ничего не стояло. Максим несколько секунд просто смотрел на пустырь. Он никак не мог совместить то что видел сейчас, с тем, что помнил. В панике он рванул к дому бабушки и дедушки. Бабушка как раз возилась в огороде.

— Бабуль! Максим подбежал к ней и схватил за плечи. Где Катя? Где наш дом на краю улицы? Что происходит?!

Бабушка опешила, и отстранившись, перекрестилась:

— Максимушка, бог с тобой. — Какая ещё Катя? — бабушка непонимающе посмотрела на него. — И какой дом?

Максим молчал.

— Ты же в городе живёшь, учишься там. В Верницы только на выходные приехал. Я тебя сама встретила. Никакой Кати у нас на улице никогда не было.

Она помолчала и уже мягче добавила:

— Ты, внучок, совсем себя загнал. Учёба эта твоя… Отдохнуть тебе надо.

Максим больше ничего не ответил. Если бабушка не помнила Катю, оставалась ещё одна возможность — её родители. Он сел в машину и поехал по адресу, который помнил наизусть. Дверь открыл незнакомец. Перед Максимом стоял плотный мужчина в старой грязной майке. Он выслушал вопрос, нахмурился и ответил, что живёт в этом доме уже десять лет. Никакой Кати здесь никогда не было.

— Вы ошиблись адресом, — раздражённо бросил он.

Максим попытался что-то возразить, но мужчина уже закрыл дверь. Некоторое время Максим просто стоял на крыльце. Потом вернулся к машине, сел за руль и остался сидеть, не заводя двигатель. Руки всё ещё лежали на руле, пальцы крепко сжимали его обод. Он смотрел через лобовое стекло. Вокруг ничего не изменилось. Те же дома. Та же улица. Те же люди, которые продолжали заниматься своими делами, словно в мире всё было совершенно нормально. Изменилось только одно. Память Максима теперь не совпадала с тем, что происходило у него перед глазами.

Сцена 4. Сбой в памяти свидетелей

На следующий день он всё-таки поехал в университет. Ночью Максим почти не спал. Он пытался найти хоть какое-нибудь объяснение, но каждый новый вариант рушился, стоило сопоставить его с фактами. Возле главного корпуса он увидел Ваньку. Того самого Ваньку, которого помнил своим однокурсником. Или, точнее, теперь должен был считать однокурсником, потому что именно так выглядела новая версия его жизни.

— Вань! Подожди!

Максим догнал его на ступеньках и схватил за куртку.

— Ты меня выслушай. Только не говори сразу, что я сошёл с ума.

Ванька недоумённо посмотрел на него.

— Катя, — быстро продолжил Максим. — Высокая, блондинка. Ты её знаешь. Мы прошлым летом расписались. Я из-за неё в деревню переехал. Ты ведь всё это помнишь?

Ванька несколько секунд молча смотрел на него. Потом его лицо изменилось. Он осторожно убрал руку Максима со своей куртки.

— Макс… какая ещё Катя?

Максим почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Ты тоже её не помнишь?

Ванька только покрутил пальцем у виска. И в этот момент Максим понял: он снова услышит тот же самый ответ.

— Макс, ты чё, совсем кукухой поехал? Какая ещё жена в девятнадцать лет? Какая Катя? Мы же с тобой каждый день вместе на парах сидим, очно учимся! Над преподами угараем, лабы сдаем. Я тебя каждый день вижу. Бросай свои энергетики пить. У тебя походу уже крыша едет.

Ванька похлопал его по плечу и ушел в здание. Максим остался стоять на крыльце, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Логика этой системы была безупречной. Переписана память всех людей, базы данных, изменился даже ландшафт. Но система навряд ли была готова

к противостоянию с живым мозгом программиста, который знал: бесследно удалить информацию невозможно. Всегда остаётся что-то, что можно откопать.

Сцена 5: Остаточный файл

Максим вернулся домой. Родителей не было — ушли на работу. Он заперся в их спальне и начал судорожно перерывать шкафы. Должно было остаться хоть что-то, что Система не посчитала важным. Какой-то аналоговый, бумажный след, который пропустили цифровые фильтры очистки.

Он вспомнил. Когда им было по одиннадцать лет, они с местными пацанами купались на речке в Верницах. Кто-то из друзей притащил старую пленочную «мыльницу» и сфотографировал их компанию у костра. Катя — тогда ещё маленькая, угловатая девчонка — не хотела фотографироваться и случайно попала на самый задний план кадра. Это бумажное детское фото мама когда-то бережно вклеила в старый семейный фотоальбом.

Максим дрожащими руками вытащил с верхней полки тяжелый альбом в бархатной обложке. Сдув с него пыль словно, с векового манускрипта, парень открыл книгу. Страницы шуршали. На них мелькали лица родственников, друзей, и его собственные детские снимки. Переворот страницы, одна за одной. Ещё один. Ещё… Есть!

Вот оно, это фото. На переднем плане улыбались малолетние пацаны с мокрыми волосами. А там, сзади, у самого края кадра сидит маленькая девочка в розовом купальнике. Она греется у костра и смотрит прямо в объектив. Катя.

У Максима из груди вырвался полувздох-полувсхлип. Парень сам не сразу понял, как его лицо залили слезы облегчения. «Ты была в этом мире… Ты реальна. Я не сошел с ума», — прошептал он, бережно проведя пальцами к глянцевой бумаге.

И в этот момент произошло то, от чего его сердце едва не остановилось.

Прямо под его пальцем изображение маленькой девочки пошло легкой рябью, словно помехи на экране телевизора. Розовый купальник начал бледнеть, а золотистые волосы девочки стали полупрозрачными. Спустя долю секунды сквозь них проступила зеленая трава. Контуры её фигурки начали растворяться, превращаясь в белесое пятно, а затем силуэт полностью пропал. Бумага на том месте стала абсолютно чистой, словно там никогда и ничего не было напечатано. Её просто-напросто стёрло с фотографии.

Максим в ужасе отдернул руку от фото, на котором мгновение назад была Катя. Будучи программистом, он все осознал. Теперь очевидно, что это не мистика и не какое-то безумие. Система тщательно старалась уничтожить любые следы, которые ей удавалось найти. Катю не просто забыл весь мир — её сущность пытались удалить из самого программного кода этой Вселенной, словно системную ошибку. Как вредоносный баг, нарушивший предписанный сценарий его жизни.

Глава 4: Охота на Архитекторов
Сцена 1: Цифровое подполье

После отката Максим несколько дней проверял то, что помнил. Не события — мелочи. Фамилии, адреса, даты, старые записи. В базе ЗАГСа человек существовал, а через час уже нет. Дом на снимке был, теперь на его месте значилось пустое место. Люди спорили с Максимом и искренне не понимали, о чём он говорит. Самое странное оставалось при нём. То, что хранилось в его памяти, не исчезло вместе с остальным. Восстановить прошлое оказалось сложнее, чем Максим рассчитывал. Одни вещи возвращались сами собой. Другие приходилось искать почти вслепую — в старых файлах, заметках, сохранённых переписках. Иногда он находил всего одну деталь, а уже из неё удавалось восстановить целый кусок событий. Значит, исчезло далеко не всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.